

Лавринович и студенты конца 90-х

21 февраля 2002 года ушёл из жизни Казимир Клеофасович Лавринович, профессор, доктор физико-математических наук, блестящий учёный и уникальная личность. Своими воспоминаниями о нём делится бывший студент, ныне доктор естественных наук (Dr. rer. nat.), стипендиат Университета им. Гёте во Франкфурте-на-Майне Дмитрий Логащенко.

Как много времени прошло с того момента, как я в 1997 году окончил матфак КГУ... С тех пор я шесть лет прожил в Германии, защитил там диссертацию и уже нес-колько лет снова в Калинин-граде. Я был знаком со мно-жеством людей и порой ловлю себя на мысли, что не могу вспомнить имена мно-гих однокурсников и преподавателей. Но есть и абсолютные исключения. Первое из них – Казимир Клеофасович Лавринович. И это не удивительно, даже несмотря на то, что он читал у нас все-го два курса лекций, причём не с первого семестра. Про-сто Казимир Клеофасович был совершенно особенным преподавателем, выдающейся личностью в КГУ в то время.

А ведь и то время тоже заслуживает особого внимания. Люди моего поколения были подростками, когда началась перестройка. Советский Союз распался, когда мы заканчивали школу. Страна, общество, мир вокруг стремительно менялись, и можно сказать – менялись синхронно с нашим взрослением. Менялись идеология, мышление, подходы, всё. Умирающий тоталитарный строй ассоциировался с детством. И, как бы это не было наивно, мы хотели везде видеть перемены, которые обязательно должны были быть направлены на плюрализм мнений, на новый и многогранный взгляд на мир. Именно этого мы ожидали от нашего университета. А Казимир Клеофасович – человек нашего поколения – был одним из тех немногих людей, которые эти ожидания оправдывали.

Нет, он не произносил переднами речей о необходимости и сути перемен в обществе, не беседовал об ужасах „старого режима”. Более

того, такие действия мы бы вряд ли высоко оценили. Но он был во многом другим, не похожим на обычного советского человека. Он отличался от такового даже внешне. Но всё это не было картинным, продиктованным желанием выделиться. Это было искренним и отражало его внутренний мир.

Он был другим во многом, но главными были три его особенности.

Во-первых, он был человеком очень обходительным и не придавал значения какой бы то ни было иерархии. Он умел убеждать и отстаивал своё мнение – но признавал право любого другого на своё. Он не боялся сказать, что чего-то не знает или не умеет, поэтому был всегда естественным. Как людей, он уважал всех – и поэтому многие уважали его.

Во-вторых, он был очень разносторонним и эрудированным человеком, и не только в области своей профессии. В своих суждениях он всегда опирался на то, что знал, а значит, имел полное право на своё мнение. Он прививал нам многоплановый взгляд на многокультурный мир, сложившийся вокруг Калининграда,

и учил видеть в других культурах опасность, а стимул для собственного роста.

В-третьих, он понимал необходимость самосовершенствования. Он, например, посещал с нами – студентами – курсы немецкого языка, организованные при университете немецкими партнёрами.

Очень показателен в этом смысле случай на одном таком занятии. Казимир Клеофасович посещал, конечно, не все занятия – у него просто не было на это времени. Предыдущее он пропустил, т.к. был в командировке в Германии. И чтобы оправдаться сказал в шутку:

– А я там старался практиковаться в языке. Покупал, например, как-то в кассе два билета и сам сказал „zwei”!

Немецкие партнёры очень доверяли Казимиру Клеофасовичу. Он был одной из центральных фигур в развитии связей матфака КГУ с университетами Германии. Это, безусловно, уже само по себе повлияло на наше впечатление о нём. Кроме того, эти связи дали некоторым из нас возможность посетить языковые курсы в Гейдельберге и даже поработать в немецких университетах. Могли ли об этом

мечтать в нашем нестоличном университете студенты предыдущих поколений?

Хочется вспомнить и его лекции. Они были очень интересными, живыми и всегда понятными. Читал он их, кстати, на очень чистом русском языке без малейшего акцента. Много позже я с большим удивлением узнал, что русский не был его родным языком: когда-то он говорил только по-польски.

В общем, Лавринович был для нас образцовым преподавателем, а для того времени – человеком будущего. На него хотелось быть похожим. Мы его очень уважали.

Вот уже 8 лет, как Казимира Клеофасовича нет с нами. Но забыть его нельзя. Он слишком много для нас значит.

Д. Логащенко, январь 2010 г.

Редакция сочла целесообразным поместить публикацию Дмитрия Логащенко, одного из бывших студентов профессора Лавриновича, на русском языке.

На фото (декабрь 1996 года): Казимир Клеофасович Лавринович с группой студентов Калининградского университета. Крайний слева в нижнем ряду – автор статьи.

Из архива автора.

